

Его противник заметил эту брешь и без колебаний нанёс удар, чтобы сразить Тянь Хуа.

Чвак —

Кинжал целиком вошёл в грудь Тянь Хуа, снаружи осталась только рукоять.

— Я победил! — с изумлённой радостью воскликнул монах.

Но Тянь Хуа не упал, как тот ожидал, а нахмурился и недовольно произнёс:

— Ты испачкал мою одежду.

— Как так... — не веря своим глазам, закричал монах. — Даже монах на стадии Золотого ядра — всё равно человек. Если сердце разорвано, он непременно умрёт. Почему же этот человек не умирает?

Если только он вовсе не человек!

Монах уже собирался закричать, чтобы сообщить всем, что на Собрание сорванных звёзд проникли практики демонического пути.

Разве Тянь Хуа мог позволить ему заговорить? Его веер пробил тело монаха, словно тонкую бумагу.

Как только на арене определился победитель, на световом экране имя другого монаха потускнело, а затем исчезло.

Первым делом, спустившись с арены, Хуа Пи отправился искать того человека.

Но вокруг было много зрителей, и когда он спустился, Цзян Жунъи уже было не найти.

Чжайсинлоу вздымалось к облакам, стоя в самом центре Трёх областей и Девяти городов. Стоило только ступить на землю Чжайсинлоу, подняв голову, его уже можно было увидеть.

Он не походил ни на отрешённого от мира бессмертного Пэнлая, ни на какую-либо секту совершенствования.

Скорее он напоминал знатную девушку, наряженную в роскошный наряд и украшенную золотом и яшмой. Увидев Чжайсинлоу, каждый невольно думал:

Богато.

Один из учеников Чжайсинлоу поспешно вернулся откуда-то извне, даже не обратив внимания на оклики собратьев, и напрямик поднялся на вершину Чжайсинлоу.

Там, на террасе, сидела женщина. Она писала за столом, время от времени останавливаясь, чтобы задуматься, и глядя на открывающиеся перед ней обширные земли.

С того места, где она сидела, можно было охватить взглядом Три области и Девять городов.

— Глава, — ученик помедлил, но всё же решился нарушить её покой.

Глава Чжайсинлоу отложила кисть:

— Что случилось?

— Я участвовал в нынешнем Собрании сорванных звёзд и заметил несколько странных моментов, — медленно начал излагать свои мысли ученик. — Раньше не гибло столько монахов. Я подозреваю, что среди них затесались люди демонического пути.

Глава Чжайсинлоу холодно фыркнула:

— Совершенствование недостаточно искусное — умерли и умерли.

Чжайсинлоу отличалось от других ортодоксальных школ. В борьбе между ортодоксией и демоническим путём оно всегда громче всех кричало, но меньше всех прилагало усилий. С демоническим путём у них не было смертельной вражды.

Ученик, словно не слыша крамольных речей главы, продолжил анализировать:

— Я полагаю, что личность Тянь Хуа, занимающего первое место, неясна. Если он действительно из демонического пути, не опозорит ли это лицо Чжайсинлоу...

Услышав это, глава Чжайсинлоу чуть заинтересовалась. Она обернулась и мельком взглянула на стоявшего неподалёку ученика.

От этого взгляда её фениксовых глаз ученик едва не потерял самообладание. К счастью, он часто видел главу Чжайсинлоу, поэтому лишь на миг отвлёкся, а затем подошёл ближе.

Блеснул Юаньгуан-камень, и сформировался портрет, очень похожий, почти неотличимый от живого.

— Это Тянь Хуа.

Глава Чжайсинлоу:

— Не знаю такого.

Ученик успокоился: если это был кто-то известный в демоническом мире, то глава Чжайсинлоу непременно с ним встречалась. Раз она его не знает, то на восемьдесят процентов он не из демонического пути.

Глава Чжайсинлоу снова повернулась к своему творению на столе. Чем больше она смотрела, тем больше оно ей не нравилось. Она взмахнула своей нефритовой рукой, подзывая ученика поближе.

Ученик послушно подошёл к столу.

— Взгляни, хорошо ли прописан этот сюжетный поворот? — Глава Чжайсинлоу указала на одно место.

Но ученик видел только её палец, окрашенный соком бальзамина, белоснежный и нежный.

Он приложил огромное усилие, чтобы отвести взгляд от этого пальца и перевести его на бумагу.

Там был описан отрывок, от которого кровь бросалась в лицо. Главными героями были знаменитый Владыка Десяти Преисподних и глава секты Шанъянь. Бедный ученик, никогда не ведавший плотской любви, не решился взглянуть во второй раз.

— Хорошо, очень хорошо! — ученик опустил голову.

Он подумал про себя: с тех пор, как главу Чжайсинлоу безжалостно отверг глава секты Шанъянь, она целыми днями упивается сочинением этих книжек.

И не только любит ими сама, но и печатает их, распространяя по Трёх областям и Девяти городам Чжайсинлоу — продажи идут неплохо, принося Чжайсинлоу дополнительный доход.

Ученик уже считал, что у главы секты Шанъянь точно есть склонность к мужчинам: иначе как он мог решиться отвергнуть такую красавицу?

Глава Чжайсинлоу тоже понимала, что от этого младшего ученика толку мало, поэтому просто прогнала его, чтобы не мешал думать.

— Ученик удаляется.

Ученик, низко опустив голову, вышел, но, уходя, украдкой взглянул на спину главы.

Третья среди красавиц Поднебесной, одной рукой срывающая звёзды, глава Чжайсинлоу.

Цзян Жунъи прогулялся, а когда нашёл Чжоу Сывэя, тот как раз спускался с арены.

— Эргоу! — окликнул он его, нарочно повысив голос.

Имя было слишком заметным, и услышавшие его невольно обернулись.

Чжоу Сывэй выглядел несколько беспомощным.

Цзян Жунъи остановился перед ним, и, достав из-за спины руку, быстро, неуловимым движением провёл по губам Чжоу Сывэя, просунув туда что-то.

Чжоу Сывэй, застигнутый врасплох, почувствовал во рту круглый предмет.

Не зная, что это, он не стал выплёвывать, а надкусил.

Это оказался лотос.

Он хрустел на зубах, был сочным, а когда лопнул, рот наполнился ароматом лотоса, сладкого и нежного.

Сердцевина не была удалена, но горчила лишь чуть-чуть, лишь подчёркивая сладость лотоса.

— Награда тебе, — Цзян Жунъи похлопал Чжоу Сывэя по плечу. — Займи первое место.

Чжоу Сывэй ощущал сладость во рту, глядя на улыбку стоящего перед ним человека.

Его решимость держаться подальше от Цзян Жунъя, которую он с таким трудом принял, снова пошатнулась.

Что делать?

Горечь лotosовой сердцевины внезапно безмерно усилилась, перекрыв сладость.

Ведь он уже решил разочаровать этого человека, но почему всё время не может удержаться...

Чжоу Сывэй закрыл глаза — ему хотелось обнять Цзян Жунъи, поцеловать его, коснуться.

Это было совершенно не в силах Чжоу Сывэя контролировать.

Чжоу Сывэй схватил руку, лежавшую у него на плече, но, едва коснувшись, тут же отдёргнул, словно обжёгшись.

Всё должно быть не так.

Чжоу Сывэй твердил про себя: он должен любить У Вана, а не этого Цзян Жунъя.

Но... он не мог сдержаться.

Пятьдесят поединков закончились быстро.

На световом экране из ста имён резко осталось только пятьдесят, большая часть площади стала тусклой.

Имена на нём мерцали и менялись местами, пока наконец не определили пары следующего раунда.

Цзян Жунъи взглянул и нашёл в середине своё имя.

Цзян Жунъи против Чжоу Эргоу.

То есть Чжоу Сывэя.

Цзян Жунъи отвёл взгляд.

Во второй раунд вышло пятьдесят практиков — число не большое и не малое, но оно как раз совпало с Чжоу Сывэем.

Неизвестно, сказать ли, что повезло или не повезло.

Вспоминая прошлые схватки с Чжоу Сывэем, Цзян Жунъи ни разу не выиграл.

Ничего не поделаешь, кто ж ему даст быть главным героем.

Наделённый бесчисленной удачей, находящийся в центре внимания, он никогда не проигрывает. Проигрывают только такие, как они — второстепенные персонажи, или даже злодеи.

Второй раунд состязаний на арене должен был начаться не сразу.

Ради честности турнира участникам, вышедшим в следующий раунд, дали время на отдых и лечение. Поединки продолжатся через день.

Чжайсинлоу также подготовило для практиков помещения для отдыха.

Чжайсинлоу, будучи богатым и щедрым, разумеется, не допускало, чтобы два практика ютились в одной комнате.

Когда Цзян Жунъи уже собрался направиться в отведённое Чжайсинлоу жильё, сбоку появился Тянь Хуа и преградил ему путь.

Тянь Хуа держал в руке веер из золота и нефрита, на поясе висели нефритовые подвески и ароматический мешочек. Он выглядел как изящный молодой господин, и совершенно не напоминал того мерзавца, который на арене с пренебрежением к человеческой жизни издевался над другими.

Веер в руках Тянь Хуа то раскрывался, то складывался, мелькнула картина с красавицей. Его персиковые глаза с двусмысленностью скользнули по лицу Цзян Жунъи:

— Этот господин...

От такого взгляда Чжоу Сывэю стало неприятно. Он шагнул вперёд, заслоняя собой Цзян Жунъи:

— В чём дело?

Тянь Хуа перевёл взгляд с одного на другого и легко рассмеялся:

— Да так, ничего. Просто мне кажется, что мы с вами уже где-то встречались.

Это звучало как неуклюжий способ завязать знакомство, но Тянь Хуа говорил искренне.

Едва увидев Цзян Жунъи, он почувствовал, что уже видел его, и не просто видел, а был с ним очень хорошо знаком.

Теперь, глядя на Чжоу Сывэя, это чувство стало ещё сильнее.

Последние сто лет Чжоу Сывэй безвылазно сидел в секте Шанъянь, и в мире совершенствования осталось мало кто его знал.

Даже если бы Тянь Хуа раньше встречал Чжоу Сывэя, он бы вряд ли сразу связал их двоих.

Всё-таки один — молодой практик, пришедший на Собрание сорванных звёзд, а другой — прославленный на весь мир глава секты Шанъянь. Эти две личности никак не сочетались.

Тянь Хуа, миновав стоявшего впереди Чжоу Сывэя, посмотрел на Цзян Жунъи:

— Я — Тянь Хуа. Позвольте узнать, как вас зовут?

Не успел Цзян Жунъи ответить, как Чжоу Сывэй, схватив того за руку, увлёк за собой, обойдя Тянь Хуа.

Это было крайне невежливо, но взгляд Тянь Хуа был слишком откровенным, и Чжоу Сывэй не желал, чтобы Цзян Жунъи с ним долго разговаривал.

Тянь Хуа остался стоять на месте, глядя вслед удаляющейся паре, и с улыбкой вздохнул:

— Ай-яй-яй.

Оба эти человека казались ему знакомыми, но будто их окутывал туман, не давая угадать их истинную сущность.

Комнаты распределяли по результатам турнира. Цзян Жунъи оказался по соседству с Чжоу Сывэем — их разделяла лишь одна стена.

Только дойдя до двери, Чжоу Сывэй опомнился и отпустил руку.

Цзян Жунъи прислонился спиной к двери своей комнаты и вдруг пригласил:

— Зайдём вместе?

— Н-нет, не надо, — в голове Чжоу Сывэя тут же возникли кое-какие вольные картинки, и он поспешно отказался, после чего, не оборачиваясь, вошёл в свою комнату.

Цзян Жунъи проводил взглядом его поспешно скрывающуюся фигуру и лишь когда дверь с

грохотом захлопнулась, отвёл глаза.

Он не стал сразу заходить внутрь, а, скрестив руки на груди, остановился у двери, будто кого-то ожидая.

Ждать пришлось недолго. По коридору медленно приблизился чей-то силуэт.

Тянь Хуа, постукивая веером по ладони, лукаво улынулся:

— Ты меня ждал?

Цзян Жунъи опустил веки. Его взгляд упал на удлинившуюся в лучах закатного солнца тень.

Тянь Хуа не был человеком: его тень была подделана. Если присмотреться, в человеческом очертании можно было заметить следы нечисти.

Он многозначительно бросил:

— Не переоценивай свои силы.

Учитывая, сколько лет мы проработали вместе, была между нами и дружба.

Когда-то, когда Цзян Жунъи только пришёл, демонический путь представлял собой сброд, где даже не было подходящих подчинённых.

Трое демонических хранителей по сюжету «Попирающего бессмертие» были далеки от того фанатичного стремления объединить мир совершенствования, что описывалось в книге.

Одной была Туманная дева, целыми днями помешанная на пластических операциях. Не попав в список красавиц Поднебесной, она в гневе живьём проглотила четырёх красавиц и теперь точила зуб на Цзян Жунъи.

Вторым был господин Хуа Пи, который думал только о том, как бы закрутить неподобающие мужские отношения, и не имел никаких других устремлений.

И третий хранитель, который, потому что за ним вечно охотился господин Хуа Пи со своими неподобающими предложениями, всё время ходил с холодным лицом и был абсолютно необщителен.

Если подумать, он общался с этими демоническими личностями даже дольше, чем с кем-либо другим.

Цзян Жунъи после сотни перерождений уже давно растерял все чувства, но к этим нескольким подчинённым у него сохранилась толика привязанности, и он не хотел, чтобы они сломя голову лезли к главному герою на верную смерть.

Хотя сейчас он больше не Владыка демонического пути, но, помня о прошлом, следовало их предостеречь.

Впрочем, на этом всё. Цзян Жунъи не собирался раскрывать себя из-за этих людей.

Сказав это, он развернулся и вошёл в комнату.

Оставив не успевшего опомниться Тянь Хуа. Тот сперва опешил, а затем расхохотался в голос:

— Забавно, забавно!

Тянь Хуа явился в Чжайсинлоу и вправду с иными намерениями: он намеревался занять первое место на Собрании и затем обнародовать некие сведения, тем самым больно ударив по ортодоксальным школам.

Предупреждение Цзян Жунъи заставило его заподозрить, не выдал ли кто их демонические планы.

На миг Тянь Хуа подумывал просто убить Цзян Жунъи, чтобы избавиться от свидетеля. Мелькнула было жажда убийства, но он решил не спугивать дичь.

Его взгляд задержался на окне комнаты Цзян Жунъи, после чего он, напевая мотивчик, удалился.

Цзян Жунъи лежал один на кровати. Его тело было истощено — и ци, и кровь были в упадке. Сколько он ни укутывался одеялом, руки и ноги всё равно оставались ледяными.

Тут он вспомнил, как хорошо было с Чжоу Сывэем: у того и ци, и кровь были в избытке, и он быстро согревал постель.

Последнее время они всё время были вместе, а теперь разлучились, и хотя их разделяла лишь стена, Цзян Жунъи чувствовал себя неудобно.

Неизвестно, сколько времени прошло. Когда Цзян Жунъи уже почти провалился в сон, струя белого дыма, вползающая в окно, заставила его мгновенно проснуться.

Цзян Жунъи не стал предпринимать поспешных действий. Он сохранил прежнюю позу,

издавая лёгкое, размеренное дыхание, будто спал.

Белый дым всплыл в комнату и сгустился в человеческую фигуру.

То была точная копия Тянь Хуа.

Он встретился с Цзян Жунъи лишь раз, но уже почуял неладное. Однако времени для близкого контакта не хватило, чтобы выяснить, что именно было не так.

Поэтому он создал аватара, с намерением тайно навестить Цзян Жунъи глубокой ночью и всё разузнать.

Тянь Хуа бесшумно подошёл к кровати и в упор уставился на спящее лицо.

Глаза плотно закрыты, губы чуть приоткрыты — похоже, он и вправду спал.

Тянь Хуа постоял у кровати, затем медленно наклонился.

На таком близком расстоянии на коже лежащего не было заметно ни единого изъяна — её можно было назвать гладкой, как нефрит.

Но Тянь Хуа был демоном раскрашенной кожи, искусным в макияже и украшениях, и он остро почувствовал подозрительное место под глазом — оно казалось слишком белым.

Он протянул руку, намереваясь стереть слой пудры.

Чтобы не разбудить спящего, Тянь Хуа двигался чрезвычайно медленно. Три вдоха спустя его пальцы почти коснулись кожи собеседника.

В последний миг Тянь Хуа почувствовал мощную духовную силу, приближающуюся со спины.

Если он будет упорствовать, его непременно настигнет этот удар.

Тянь Хуа решительно отдернул руку и, уклонившись в сторону, краем глаза заметил фигуру, приближающуюся на фоне холодного лунного света.

Чжоу Сывэй управлял духовной силой мастерски — её могущественный поток, не поразив цель, тотчас же превратился в послушного ягнёнка и вернулся к нему в руку, не издав ни звука.

Чтобы не разбудить крепко спавшего Цзян Жунъи, оба молчали, не сговариваясь.

Тянь Хуа затаился в темноте. Днём он был изящным юношей, а теперь превратился в мрачного, искажённого беса.

Чжоу Сывэй заслонил собой струящийся, как вода, лунный свет, и его черты казались смутными.

Они безмолвно противостояли друг другу.

В голове Тянь Хуа мелькнула мысль, но слишком быстро, он не смог за неё ухватиться.

Эта сцена не оставляла ему времени на размышления.

Они обменялись взглядами, и в тесном пространстве началась схватка.

Удары Чжоу Сывэй были стремительны и метили в уязвимые места. Истинное тело Тянь Хуа было не здесь — явилась лишь иллюзия, которая не могла выдержать напора.

После нескольких уклонений наконец появилась брешь: тело Тянь Хуа рассеялось в воздухе, превратившись в струйку белого дыма.

Ещё один сгусток духовной силы обратил в ничто и этот дым.

Когда Тянь Хуа исчез, Чжоу Сывэй ещё постоял в комнате.

Цзян Жунъи продолжал притворяться спящим, делая вид, что ничего не заметил.

Чжоу Сывэй помедлил мгновение, затем подошёл к кровати и опустился на одно колено на пол перед ней, оказавшись на одном уровне с Цзян Жунъи.

Когда Цзян Жунъи, чувствуя на себе взгляд, уже готов был открыть глаза, Чжоу Сывэй пошевелился.

Цзян Жунъи продолжил лежать с закрытыми глазами, ожидая следующего шага.

Чжоу Сывэй не ушёл. Он протянул руку к Цзян Жунъи, его пальцы едва касаясь очертили контуры его бровей и глаз, и наконец остановились у мягких губ. Пальцы слегка дрожали, но так и не осмелились коснуться.

Чжоу Сывэй отдернул руку и собрался уйти, но неожиданно его запястье перехватили.

Хватка Цзян Жунъи была несильной — не сильнее, чем царапнула бы кошка, но Чжоу Сывэй будто лишился сил и, поддавшись движению, был утянут на кровать.

Чжоу Сывэй лёг с краю постели, затаив дыхание, боясь пошевелиться.

Кровать была слишком узкой, чтобы вместить двоих взрослых мужчин; при малейшем движении можно было скатиться на пол.

Даже стараясь оставаться неподвижным, Чжоу Сывэй всё равно соприкасался с Цзян Жунъи и чувствовал тепло его дыхания.

После мгновения тишины Цзян Жунъи тихо рассмеялся, перевернулся и оседлал лежащего рядом.

Струящийся лунный свет влился внутрь, разделив тесную комнату надвое.

Чжоу Сывэй ощутил тяжесть на поясе — на него навалился взрослый мужчина. Его дыхание мгновенно участилось, но он оставался в тени, и не было видно выражения его лица.

Цзян Жунъи же весь был залит лунным светом.

Лунный свет этой ночью был мягким, словно небрежно брошенный шёлк. Он лёг на Цзян Жунъи, окрашивая его кожу в жемчужный цвет.

— О чём ты думаешь? — внезапно спросил Цзян Жунъи.

Чжоу Сывэй наконец опомнился и поднял взгляд, столкнувшись с глазами Цзян Жунъи.

Что это были за глаза! Ресницы длинные и загнутые, будто вобрали в себя горсть лунного света.

В зрачках таились мириады звёзд; стоило взглянуть в них — и уже невозможно было отвести взгляд.

— Я... — Чжоу Сывэй приоткрыл рот, но смог издать лишь один слог, словно горло ему что-то забило, и он не мог вымолвить больше ни слова.

Цзян Жунъи упёрся руками в грудь Чжоу Сывэя и медленно наклонился, сокращая расстояние между ними.

Поскольку он только что лёг спать, то снял шпильку, и чёрные, как вороново крыло, волосы

рассыпались по плечам — густые, мягкие, до самого пояса.

Несколько непослушных прядей выбились из общей массы, топорщась, но это нисколько не портило картины — напротив, хотелось протянуть руку и пригладить их.

— Что — «я»?

Чжоу Сывэй не знал, что сказать, и лишь ошарашенно глядел на сидящего перед ним человека.

Цзян Жунъи уже сбросил верхнее платье и остался в одном исподнем, облегающем ткань, которая обрисовывала округлые плечи.

Чжоу Сывэй почувствовал, как у него пересохло в горле, и поспешно отвёл взгляд.

Однако взгляд снова упёрся в белую, как снег, кожу. Воротник рубашки распахнулся, открывая изящную ключицу.

Цзян Жунъи поджал губы.

В последнее время Чжоу Сывэй вёл себя слишком странно.

<http://bllate.org/book/22488/2371116>